

ИДЕАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Н. ОХЛОПКОВ
Народный артист СССР

пьесами о полном ничтожестве человека, о неизменности звериного принципа «человек человеку — волк».

Театры мира, как и мировая драматургия, должны взять курс на высокую принципиальность и неподкупность, уметь глядеть вперед, бороться с примиренчеством и попустительством. Художнику надлежит знать все, и все его касается в жизни.

Разве не содрогнулись в ужасе и гнев сердца всех честных людей, когда пронеслась весть о смерти Лумумбы? Кого не коснулось дыхание истинно народного подвига героя кубинской революции и ее вождя Фиделя Кастро?

Мы уже слышим и музыку великого будущего, включающую в себя всю сумму подлинного творческого энтузиазма и истинного изумления перед тем, что хотелось бы назвать триумфом человечности. Таким триумфом является в наш суровый век проект Программы Коммунистической партии!

Можно не быть коммунистом (это дело каждого человека в отдельности), но нельзя быть современным художником, не поднимаясь до самых высот сил духа, не чувствуя великую гуманность в каждом разделе этого исторического манифеста.

Человечество, мир ждут нашего активного вмешательства в жизнь. Есть такая славная песенка: «Если бы парни всей земли...» Да, вот если бы писатели и поэты, драматурги и композиторы, живописцы и скульпторы, режиссеры и актеры всей земли поскорее прошли те «университеты жизни», которые иному человеку приходится иногда пройти, прежде чем идеи подлинного гуманизма станут для него идеями полного и всеобъемлющего нового Возрождения! Если бы деятели искусств всего мира поскорее и поглубже разобрались бы во всех сложностях и противоречиях жизни и глазами острой мысли увидели бы всю красоту нового мира и рождаемое им новое искусство, — вот тогда бы духовная жизнь людей стала бы воплощением всех лучших надежд, самых дерзновенных мечтаний прогрессивных художников и мыслителей прошлого и настоящего.

Я видел приметы новой эпохи. В гигантской по своему мировому значению художественной практике передовых деятелей культуры могучего социалистического лагеря отчетливо определились исключительные творческие задачи и уже найдены великолепные решения этих задач. Речь идет об искусстве таких стран, как Германская Демократическая Республика, — достаточно будет упомянуть замечательное, необычайно воздействующее на массы искусство театра «Берлинер-Ансамбль» и все творчество его создателя Бертольда Брехта. А сколько интересных театров в Чехословакии! Я вспоминаю смелое, бурное творчество Эмиля Буриана, работу Пражского национального театра, Словацкого театра из Братиславы, Театра армии и другие театральные коллективы.

Достаточно восстановить в воображении все то лучшее, что я увидел в это лето на гастролях Московского театра имени Вл. Маяковского в Польше, Румынии и Болгарии, как мое сердце открывается навстречу огромной силы впечатлений о пьесах, об игре актеров, о творчестве режиссеров и художников. Великолепны режиссерские традиции, утвержденные Леоном Шиллером, и современное смелое новаторство нового поколения польских режиссеров. А какое изумительное там актерское мастерство! Какая сила в талантливейшей драматургии Леона Кручковского!

В Румынской Народной Республике мы прониклись огромным уважением и любовью к творчеству выдающегося режиссера Сико Александреску. Оно напоено самыми благородными гуманными идеями. Он склонен больше к академизму, но даже у самых молодых и смелых экспериментаторов его работы встретят понимание и огромное уважение. Артисты румынских театров великолепно играют роли в пьесах современных румынских и советских драматургов. Для них театр — это кафедра, с которой в живой, темпераментной форме утверждают высокие мысли и высокие чувства. Bravo театру Караджа-ле, bravo Молодежному театру, Театру армии! После румынских спектаклей чувствующий в себе огромный прилив сил, будто ты присутствовал при очень душевном и умном откровении человеческого сердца.

Чувствуешь живую радость при воспоминании о театральном искусстве Болгарии. Я успел хорошо познакомиться только с замечательным мастером режиссуры Филиппом Филипповым и Александром Стояновым в Софии и с двумя молодыми режиссерами из города Варна. Какие великолепные артистические ансамбли созданы в театрах! Чувствуется во всем, как любит болгарский народ прекрасное. Здесь творчество достойно удивления и любви. Увиденное мною искусство некоторых народных республик воплощает самые прогрессивные идеалы нашего времени, оно овеяно дыханием идей коммунизма.

Мы живем в эпоху, когда наши ракеты и воздушные корабли проникли в мировое пространство. Каждый из нас мысленно уже побывал в космосе. Человек вырастает перед лицом Вселенной, и это самое главное!

Каким же будет наше искусство?.. Я думаю, чем выше будут летать наши корабли, тем глубже будет искусство: глубже, сложнее и многообразнее. Объединив все прогрессивные силы, деятели культуры должны товарищески, дружески делиться друг с другом своим опытом, знаниями, своей работой и нести плоды своих трудов на суд зрителей, на суд народов.

Мы ценим в искусстве не только эстетическую, но и его познавательную, воспитательную функцию. Оно осуществляет

свое воспитательное назначение не как начетчик, гувернер или учитель-педант, а как необыкновенной души, умный друг человечества.

И тогда переполнены у нас театры, и зритель необычайно остро реагирует на происходящее на сцене, бурно награждая и драматургов, и актеров, и режиссеров громкими аплодисментами. Горький называл советскую литературу как «литературу вопросов». Чем больше этих вопросов жизни ставят пьесы, тем больше доходят они до сердца и ума зрителей. И спектакли тогда вызывают не только глубокие чувства, но и бурное восхищение, пламенный энтузиазм. Театр знает это волшебство, эту свою мощь. И что только делать можно в театре, до какого накала можно доводить чувства! Какими же огнендышащими вулканами — по мысли и по страстям — будут театры будущего! Но будут и спектакли, и театры, в которых больше всего станет цениться тишина. Так, с замиранием сердца, молча, не шелкнувшись, смотрит потрясенный человек на колонны Парфенона; так, с благоговейным чувством останавливается он перед Сикстинской Мадонной Рафаэля, так, артисты Художественного театра были удивлены длительным молчанием зрительного зала после первого представления «Чайки»...

Мы поднимаем сейчас особенно высоко все то, чему мы научились и что смогли понять в школе советского искусства. И обращаясь к проекту новой Программы партии, мы обретаем прежде всего ту могучую силу, ту необходимую для художника страсть, которую Белинский называл пафосом; у нас словно вырастают могучие, широченные крылья для полета ввысь.

Как важна для каждого произведения искусства, для каждого образа, создаваемого актером, та большая идейная «сверхзадача», как выражался Станиславский, которая направляет искания художника, поднимает над частностями, не отрывая в то же время от земной правды. Каким страстным, каким взволнованным, каким вдохновенным может быть наше искусство, когда современный художник ошутит полностью все противоречия, раздирающие мир, все трагедии, перед которыми руки не опускаются, а грозно поднимаются, когда узнаешь о первопричинах народных бедствий...

Еще Горький писал о том, что «наши молодые драматурги находятся в счастливом положении, они имеют перед собой героя, какого еще не было. Он прост, ясен так же, как и велик, а велик он потому, что непримирим и мятежен гораздо больше, чем все Дон-Кихоты и Фаусты прошлого».

Наши Гагарин и Титов штурмуют само небо. Уж если целить, то целить очень высоко. И нам, художникам, с них брать пример. Развивать традиции мужества в искусстве. У нас прекрасная стартовая площадка для взлета. Это образы Пелагеи Ниловой и Павла Власова из горьковской книги «Мать», это Нил из его «Мещан», это герои Николая Островского, Александра Твардовского, герои нашей литературы.

И еще: искусство будет все более и более многообразным. Что поделаешь с людьми — одному нравится Шишкин, другому — реалистические рисунки Пикассо; одному — великий Чайковский, а другому — и Чайковский, и Шостакович, да и Бартока он слушает с превеликим удовольствием и не забывает в то же время Рахманинова. А третий ищет горючей страстности в скульптуре, он хорошо поймет и Веру Мухину, и роденовскую стремительность, и будет полон восхищения и изумления перед творениями Коненкова. Один шлет от всего сердца поздравительную телеграмму Мартиросу Сарьяну в связи с окончанием новой картины, а другой сосредоточенно ждет открытия занавеса в Художественном театре и рад тому, что никакого занавеса нет в Театре имени Маяковского. Герцен говорил о необходимости человеку расти во все стороны. Люди и растут так, умея находить наслаждение в творениях современных родных художников.

Вот бы сесть сейчас всем режиссерам и актерам мира вместе с драматургами за один круглый стол, да и поговорить дружески. Да и поспорить. Да и взвесить и сопоставить все во имя мира и дружбы народов, составляющих основу основ устремлений проекта Программы партии. Разве мы не видим, не понимаем, не ценим высокое мужество и ясность зрения тех, кто дивится ее мудрости и ожидает очень многое для всех народов мира от нового Коммунистического манифеста нашего века!

Мир не успокоился. Он взволнован этим великим манифестом. Сколько поднятых рук, голосующих «за»!

У каждого подлинного художника несомненно свои заботы и свои радости, свои задачи и свои идеи, но разве это может служить препятствием для любого искусства любой страны в поисках настоящего человеческого счастья для людей, в стремлении к прогрессу в добрых отношениях между народами? Больше, больше рук, голосующих за мир! Это лучший путь к утверждению наступающего Завтра. Надо, чтобы человек рос. Надо выправлять человеческие души.

Проект новой коммунистической Программы — это, безусловно, бесценный документ Новой Советии, которую творит у всех на виду исторический народ. И каждый честный художник не может не думать о том, как создать новый век — без войн. Это значит создать новое человечество.

Нельзя любить все, ничему не отдавая предпочтение. Но это — дело каждого в отдельности. Есть вещи, которые предпочитают все человечество. Это — мир, мир во всем мире!

И снова хочется повторить слова девушки с большими темно-кариыми глазами, с длинными ресницами, черными таинственными зрачками, из самой, казалось, глубины которых струился влажный сильный свет, слова о том, что как хорошо могли бы жить все люди на свете, если бы они только захотели, если бы они все понимали!

Никогда я не забуду девушку с черными волнистыми косами, в яркой белой кофточке и с такими прекрасными, — раскрасившимися от внезапно хлынувшего из них сильного света, — повлажневшими черными глазами, что сама она походила на лилию, которую хотела сорвать, высунувшись из изового куста на речку.

Это была Уля Громова, запомнившаяся мне вместе с другими неприкаянными девчатами и парнями с рудника Первомайки. И потому, что была изумительно выписана она в «Молодой гвардии» А. Фадеевым, и потому, что, долго дожидаясь современной пьесы о настоящих советских героях, я взял этот роман да инсценировал, да и поставил его в свое время, согрел свою душу образами нашей удивительно героичной, прекрасной и умной молодости.

Это была Уля Громова, и особенно запомнились ее слова, которые она произнесла, сидя у речки и любуясь лилией, в то время, как отзвуками дальнего грома слышались перекаты орудийных выстрелов:

«...Как хорошо могли бы жить все люди на свете, если бы они только захотели, если бы они только понимали!»

Да, если бы только захотели, если бы все понимали! Ведь в то время, как многие представляли культуры глубоко и раз навсегда поняли, где белое, а где черное, поняли предельно простую и ясную мысль о том, что люди всего мира могут сотрудничать и мирно соревноваться в любой области жизни, несмотря на все различия политических, философских, религиозных и прочих воззрений, — все же еще и не выступают прямо против мирного содружества и мирного соревнования, то норовят промолчать по этому поводу, проскокить мимо этих глужих вопросов нашего времени.

Духовная сила многих западных коллег по искусству часто бесцельно дремлет, сознательно не желая или не находя себе применения в решении этих вопросов. Искусство некоторых художников оказывается лишь прекрасным инструментом, которым можно виртуозно владеть, но, увы, он с ушедшими страстями, с ощущением внутренней бесцельности и душевной пустоты.

Такие люди особенно бездеятельны при решении боевых, острых проблем современности. Их жизни сопутствуют тишина, покой, созерцательность, бегство в самых различных формах от тревожащих дня. Таких художников мне приходилось встречать и в Канаде, и во Франции, в Англии, Бельгии, Австрии и других странах.

Свободно дышится человеку там, где кипит гигантская созидательная работа на благо народов, на благо человечества и, прежде всего на благо его мирной жизни. Там свободно дышится человеку. Увы, это значит далеко не везде.

Откройте ныне «окно в Европу», и вы увидите, как чтимого всеми прогрессивными людьми философа Бертрана Рассела вместе с талантливыми драматургами А. Уэскером, Р. Болтом и поэтом К. Лонгом ведут в тюрьму за поддержку кампании неповиновения против ядерного вооружения! Сколько подобных явлений и фактов встретишь в пресловутом «свободном мире».

Какой это разительный контраст тому, что я воочию видел в странах социалистического лагеря, не говоря уже о нашей стране. Пусть людям западной цивилизации бывает порой очень трудно идти Дорогами Совести, но передовые деятели культуры всегда связывали идеи обновления искусства с прогрессивными идеями века. Вспомните Эмиля Золя, Анатоля Франса, Теодора Драйзера, Мартина Андерсена Нексе. Вспомните, как Ромен Роллан, встревоженный положением современного ему искусства, писал: «Если есть какая-нибудь надежда избежать гибели, которая угрожает современной Европе, ее обществу, ее искусству, то надежда эта заключается в социализме. Только в нем усматриваю я начало жизни... В течение ближайших ста лет Европа будет социалистической, или она перестанет существовать». Ему можно поверить. Он прошел трудный путь, пока в душе его не созрел этот вывод.

Советский художник уже более сорока лет вдохновенно пожинает плоды своего понимания великого значения социализма для расцвета культуры. Теперь — путь дальше. С новыми силами — к коммунизму. И чем скорее расстанутся со своими иллюзиями те, кто еще не решается порвать с капиталистическим обществом и его гибнущей цивилизацией, тем скорее возгорится в душе их огонь истинного, умного, правдивого творчества.

Нам, деятелям культуры всех стран мира, надо чаще встречаться — ведь каждому из нас далеко не безразличны судьбы искусства. Когда у входов в театры загораются огни и начинаются на сценах всего мира спектакли, тем самым уже открывается форум, на котором получают право голоса пьесы и спектакли, искусство всех мастеров сцены.

На этом форуме, увы, далеко не всегда слышны голоса прогресса, на нем слышны и голоса растерянности, и тяжкие вздохи сомнений. Иные деятели театра, как Гамлет, выступают в своих творениях — в пьесах ли, в спектаклях, — с мукой в сердце, словно бы повторяя за студентом Виттенбергского университета слова:

Порвалась дней связующая нить.

Как мне обрывки их соединить!

Надо в душу художников влить огненную уверенность в силе и могуществе искусства. Нам надо, хотя бы изредка, садиться за «круглый стол». Сколько у нас общих вопросов и проблем, сколько положений требует дружеских советов, расширения театральных горизонтов, сколько «болезней века» требует самого пристального внимания!

Театр призван бороться своими средствами против одичания нравов в так называемом «цивилизованном обществе», против распространения в мире пессимистически-животных настроений, которые наскаждают иные драматурги, говоря своими